

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. Москва: Смысл, 1999. 487 с.

Митина О. В. Факторный анализ для психологов / О. В. Митина, И. Б. Михайловская. Москва: Учеб.-метод. коллектор «Психология», 2001. 169 с.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 480 с.

Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 томах / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. Москва: ПЕР СЭ, 2005. Т. 1: Общая психология. 251 с.

Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Педагогика-Пресс, 1998. 440 с.

Эфендиев А. Г. Профессиональная деятельность преподавателей российских вузов: проблемы и основные тенденции / А. Г. Эфендиев, К. В. Решетникова // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 87–119.

Юревич А. В. Полифункциональность науки и стратегии ее возрождения в современной России / А. В. Юревич // Наука в России: современное состояние и стратегия возрождения. Москва, 2004. С. 35–46. (Научные доклады; вып. 2).

М. Н. Юртаева

Толерантность к неопределенности и предпочтения в способах обработки информации

Общая характеристика работы

В условиях возрастания сложности, динамичности и разнообразия мира все большее значение приобретает проблема отношения личности к неопределенности. В психологическом контексте понятие «неопределенность» употребляется для осознания недостаточности информации, множественности альтернатив выборов и решений. В свою очередь, отношение личности к неопределенности, отражающее совокупность внутренних установок, субъективных оценок и реакций, принято называть толерантностью к неопределенности.

Отношение к неопределенности как проявление толерантности личности – не только штрихи к портрету современной действительно-

сти, но и специальный предмет психологического исследования, которому пока уделяется недостаточное внимание в российской науке.

Анализ зарубежных исследований конструкта толерантности к неопределенности, осуществленный за последние десять лет, обнаруживает его многоаспектность. Известны различные эмпирические модели исследования, воплощенные в области культуры, менеджмента, образования и психотерапии (E. Abbey, 2002; S. Williams, S. Narendran, 2000; R. Priem, M. Shaffer, 2001; S. Ashford, R. Blatt, W. D. Vande, 2003; N. Nelissen, P. de Goede, 2003; M. Lane, K. Klenke, 2004; S. Madzar, 2005; J. Walinga, 2008; V. DeRoma, K. Martin, M. Kessler, 2003; G.-S. Lim, 2002; R. Kim, S. Goldstein, 2005; R. Narayanswamy, 2008; S. Bayer, R. Lev-Wiesel, M. Amir, 2007).

Несмотря на большой объем исследований толерантности к неопределенности, остается неясность в понимании сущности самого психологического явления, что затрудняет его дальнейшее изучение.

Толерантность к неопределенности как психологический конструкт

Рассмотрение понятия «толерантность к неопределенности» осуществлялось в контексте трех концептуальных перспектив: природы предубеждений и авторитарной личности (E. Frenkel-Brunswik, 1948, 1949), специфики восприятия неопределенных ситуаций (С. Баднер, 1960–1962) и принятия решений (Д. Элсберг, 1961).

В работах Э. Френкель-Брунsvик понятие «толерантность к неопределенности» раскрывается через содержательно противоположное понятие «интолерантность к неопределенности» и в дальнейшем рассматривается как эмоциональная и перцептивная характеристика индивидуальности. Интолерантность к неопределенности эксплицируется как тенденция человека приходить к решениям типа «черное – белое», принимать поспешные решения, зачастую не учитывая реального положения дел, и стремиться к очевидному и безусловному принятию или отторжению в отношениях с другими людьми (E. Frenkel-Brunswik, 1949).

Индикаторами интолерантности к неопределенности выступили перцептивные и познавательные реакции, отражающие специфику когнитивных стилей.

Классические работы Х. Вернера и К. Гольдштейна, посвященные изучению механизмов ригидности и конкретности восприятия,

определили главную стратегию в объяснении познавательной нетерпимости к неопределенности.

Впоследствии перечень когнитивно-стилевых особенностей интолерантности к неопределенности, выявленных Э. Френкель-Брунsvик, был дополнен. С. Бохнер (1965) вводит понятие вторичных характеристик интолерантности к неопределенности, относя к ним такие личностные черты, как авторитаризм, догматизм, ригидность, закрытость по отношению к новому, наличие этнических предрассудков, низкую креативность, тревожность, склонность к экстрапунитивным реакциям, агрессивность (Н. В. Шалаев, 2007).

Эмпирические исследования феномена выявили противоречия в связях первичных (когнитивно-стилевых) и вторичных (личностных) характеристик индивидуальности, интолерантной к неопределенности. Можно выделить несколько причин расхождений в исследовательских работах.

Первая из причин состоит в прямом переносе данных, полученных в исследованиях восприятия, на сферу социальных проблем. Современные авторы полагают, что когнитивный стиль и авторитаризм – нетождественные явления. Когнитивный стиль имеет значение промежуточной переменной в развитии авторитарной системы убеждений (A. Chigumbolo, A. Areni, G. Sensales, 2004; I. Cornelis, A. Van Hiel, 2006).

Уязвимость теоретической позиции Э. Френкель-Брунsvик была обусловлена еще и стремлением автора объяснять проблему предубеждений с точки зрения психоанализа, уделяя значительное внимание вопросам роли семейной атмосферы и методов воспитания детей в развитии ригидного склада личности.

Вторая причина эмпирических противоречий обусловлена отсутствием стандартизированных шкал измерения толерантности к неопределенности, что затрудняло сопоставление результатов, полученных в разных исследованиях.

Рассмотрение толерантности к неопределенности в контексте восприятия неопределенных ситуаций восходит к теории черт. Толерантность к неопределенности – личностный континуум, полюс шкалы, противоположный интолерантности к неопределенности, отражающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции на неопределенность и измеряемый специальными психометрическими

шкалами. Авторские интерпретации, отражающие смысл толерантности к неопределенности как личностной черты, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Содержательное наполнение понятия
«толерантность к неопределенности»

Авторы	Содержание понятия «толерантность к неопределенности»
А. Инглиш, Н. Инглиш, 1958	Готовность принять состояние дел, допускающее альтернативные интерпретации и исходы (outcomes): например, чувство комфорта (или, по крайней мере, отсутствие дискомфорта) при столкновении со сложными социальными вопросами, в которых перемешиваются противоречивые принципы
С. Баднер, 1962	Восприятие неопределенных ситуаций как желательных Восприятие неопределенных ситуаций как источников угрозы
Э. Мак-Дональд, 1970	Поиск неопределенности; чувство комфорта в неопределенных ситуациях; преимущество при выполнении неоднозначных задач
Р. Нортона, 1975	Восприятие и интерпретация неясной, фрагментарной, сложной (многоплановой), вероятностной, неструктурированной, неточной, неполной, противоречивой информации как актуального или потенциального источника угрозы
Р. Халлман, 1976	Способность принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, противостоять несвязанности и противоречивости информации, принимать неизвестное и не чувствовать себя неуютно перед неопределенностью
Д. Мак-Лейн, 1993	Диапазон реакций от отвержения до привлекательности при восприятии неизвестных, сложных, динамически неопределенных или имеющих противоречивые интерпретации стимулов

Как следует из табл. 1, ряд определений толерантности к неопределенности раскрывает специфику предметного содержания понятия «неопределенность», основу описания которого составляют неопределенные стимулы и ситуации, отраженные в пунктах соответствующих шкал.

Внимание к вопросам психометрической оценки шкал толерантности к неопределенности привело к тому, что некоторые трактовки понятия были эмпирически скорректированы.

Следует отметить, что индивиды с высокой толерантностью к неопределенности не обязательно активно ищут неоднозначные ситуации, но имеют развитую способность справляться с ними, когда они возникают (M. Lane, K. Klenke, 2004).

К наиболее известным методам измерения толерантности к неопределенности относятся шкалы С. Баднера (1962), С. Райделла и Е. Розена (1966), Э. Мак-Дональда (1970), Р. Нортон (1975), испаноязычная шкала Д. Вигано ла Роза (1986), а также шкала Д. Мак-Лейна (1993). Некоторые из приведенных шкал были адаптированы на российской выборке (Е. Н. Осин).

Анализ толерантности к неопределенности в контексте принятия решений обращен к пониманию факторов порождения вероятностных оценок событий.

Согласно позиции Д. Елсберга, неопределенность сводится к вероятности второго порядка, т. е. степени уверенности, с которой индивидуум оценивает вероятность, связанную с каждой ветвью решения, представленного в общей форме (D. McLain, 1993). Исходя из этого толерантность к неопределенности, или толерантность к неуверенности, – готовность субъекта допустить решения, в отношении которых он не переживает чувства уверенности, т. е. решения с определенной долей субъективного риска. Допустимо, что степень принятия этого риска будет определяться факторами личностной регуляции принятия решений – внутренними критериями выбора, локусом ответственности, его «ценой для собственного Я» (Т. В. Корнилова, 2003).

Итак, в ходе анализа истоков становления понятия были выделены три позиции: 1) толерантность к неопределенности – это когнитивный стиль; 2) толерантность к неопределенности – это личностная черта; 3) толерантность к неопределенности – это степень уверенности в выборе, рассматриваемая в контексте представлений о личностной регуляции принятия решений в условиях неопределенности и неуверенности.

Современный этап обсуждения проблемы выявил несводимость толерантности к неопределенности к категории личностных черт, предсказываемых психометрическими шкалами. В ряде исследований

было показано, что толерантность к неопределенности взаимосвязана с личностными свойствами разных «уровней», в том числе с особенностями стилевой регуляции поведения и деятельности, копинг-поведением, процессами принятия решений, когнитивными процессами (К. Banning, 2003; J. Walinga, 2008; M. Lane, K. Klenke, 2004; R. Helson, S. Srivastava, 2002; M. Berzonsky, 2004; N. Friedland, G. Keinan, T. Tytiumthe, 1999).

Постановка проблемы и дизайн исследования

Психологический анализ проблемы толерантности к неопределенности, с одной стороны, выявил сложный и комплексный характер изучаемого феномена, его несводимость к какой-либо одной операциональной трактовке. С другой стороны, он обозначил более общую методологическую проблему, суть которой заключается в возможности преодоления разобщенности различных подходов к исследованию толерантности к неопределенности, что согласуется с идеями системного подхода в психологии о многомерности, многоуровневости и разнопорядковости свойств психических явлений (Б. Ф. Ломов, 1996).

Допущение того, что толерантность к неопределенности одновременно актуализирует некоторое сочетание особенностей когнитивных процессов («уровень» когнитивных свойств) и черт личности («уровень» личностных свойств), позволяет принять общее предположение о существовании «разноуровневости» индивидуальных проявлений и «разнопорядковости» свойств толерантности к неопределенности. В свою очередь специфика отношения личности к неопределенным стимулам / ситуациям и будет определяться существующими взаимосвязями и соотношениями между «разноуровневыми» свойствами феномена.

Объектом данного исследования выступил феномен толерантности к неопределенности.

Предмет исследования – соотношение когнитивно-стилевых и личностных особенностей толерантности к неопределенности.

Цель исследования – выявить специфику толерантности к неопределенности с позиции предпочтений в обработке информации.

Задачи работы:

1) построить уровневую модель феномена толерантности к неопределенности с учетом состава его психологических признаков, их разнопорядковости;

2) выявить когнитивные и личностные корреляты толерантности к неопределенности как индикаторы разных «уровней» индивидуальных свойств;

3) сопоставить набор личностных характеристик толерантности к неопределенности с показателями когнитивных стилей (с учетом феномена «расщепления» полюсов стилевой оси).

С целью решения первой задачи исследования была предложена уровневая модель конструкта толерантности к неопределенности. В качестве основы данной модели было принято описание первичных и вторичных характеристик толерантности к неопределенности, в связи с чем проводился анализ когнитивно-стилевых особенностей («уровень» стилиевых свойств), представленных набором когнитивных стилей: полезности / полнезависимости, импульсивности / рефлексивности и ригидности / гибкости познавательного контроля. Состав личностных особенностей толерантности к неопределенности («уровень» свойств личности) определялся, с одной стороны, в соответствии с анализом теоретических представлений о толерантности к неопределенности, с другой стороны, с учетом системообразующих признаков в структуре индивидуальности и личности, определяющих характер ее эмоциональности (тревожность), саморегуляции (готовность к риску) и направленности (базисные убеждения личности).

Вторая задача исследования заключалась в установлении взаимосвязей между свойствами разных «уровней» в структуре толерантности к неопределенности и решалась средствами корреляционного анализа (непараметрическая корреляция по Спирмену).

В рамках третьей задачи исследования, т. е. установления соотношения между когнитивно-стилевыми и личностными особенностями толерантности к неопределенности, был применен кластерный анализ (Ward Distance Metric: Squared Euclidean) с оценкой достоверности различий по U -критерию Манна – Уитни.

Методика исследования

Выборку составили студенты вузов Екатеринбурга (64 девушки и 16 юношей в возрасте 17–22 лет; $M = 19,4$; $SD = 1,68$).

В работе были использованы шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (Budner's Tolerance for Ambiguity Scale) в адаптации

Г. У. Солдатовой; шкала толерантности к неопределенности Д. Мак-Лейна (Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance) в адаптации Е. Г. Луковицкой; шкалы личностной и ситуативной тревожности Ч. Спилбергера; опросник базисных убеждений Р. Янофф-Бульман (модифицированная версия); опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25) Т. В. Корниловой (шкала готовности к риску); тест «Встроенные фигуры» Г. Виткина; тест «Схожие рисунки» Дж. Кагана; Струп-тест.

Для статистической обработки результатов использовались программы SPSS 13 и STATGRAFICS PLUS 5.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе анализа результатов было установлено, что параметры различных шкал толерантности к неопределенности взаимосвязаны между собой, из чего следует, что они измеряют сходные конструкты. В рамках последующего анализа было выявлено, что показатели шкал толерантности к неопределенности С. Баднера и Д. Мак-Лейна обнаруживают отличные паттерны корреляционных связей.

Показатель методики С. Баднера положительно взаимосвязан с готовностью к риску, гибкостью познавательного контроля и рефлексивностью, т. е. соотносится с особенностями личностной и когнитивной саморегуляции. В свою очередь, показатель методики Д. Мак-Лейна положительно коррелирует с готовностью к риску, эмоциональной стабильностью, убеждением в справедливости окружающего мира, верой в собственную удачливость и возможность контроля событий собственной жизни, т. е. соотносится с широким кругом личностных проявлений толерантности к неопределенности.

Дополнительно были выявлены положительные взаимосвязи между свойствами разных уровней толерантности к неопределенности, в частности между синтетичностью и личностной тревожностью, когнитивной гибкостью и готовностью к риску, аналитичностью и убеждением в ценности и значимости собственного Я.

На основании корреляционного анализа можно заключить, что лица, толерантные к неопределенности, более успешны в условиях субъективной неопределенности и ситуации когнитивного конфликта, менее тревожны, готовы идти на обдуманый риск, обладают более

позитивными глубинными установками в отношении собственного Я и окружающего мира.

Корреляционный анализ подтвердил наличие взаимосвязей между различными уровнями конструкта толерантности к неопределенности, но вместе с тем не позволил обнаружить его специфику в аспекте стилевого поведения. Слабые корреляционные связи в структуре толерантности к неопределенности указывают на нелинейный характер сопряженности когнитивно-стилевых и личностных особенностей конструкта, что обусловлено феноменом «расщепления» полюсов стилевой оси. Суть феномена «расщепления» когнитивного стиля заключается в неоднородности его полюсов. Таким образом, на одном полюсе стилевой оси могут находиться испытуемые, различающиеся по механизмам своего интеллектуального поведения (М. А. Холодная, 2002).

Когнитивный стиль «полезависимость / полenezависимость»

В рамках когнитивного стиля «полезависимость / полenezависимость» было выделено три кластера, которые интерпретировались как субгруппы «фиксированные полenezависимые», «мобильные полenezависимые» и «мобильные полезависимые». Значения центроидов кластеров с указанием доли испытуемых для каждого кластера представлены в табл. 2.

Таблица 2

Характеристика кластеров

Кластер	Время нахождения простой фигуры в сложной, с	Коэффициент имплицитной обучаемости	Доля испытуемых, %
«Фиксированные полenezависимые»	27,07	0,28	23,30
«Мобильные полenezависимые»	36,48	0,75	65,00
«Мобильные полезависимые»	85,85	0,57	11,67

Анализ различий в субгруппах позволил выявить, что «фиксированные полenezависимые» значительно отличаются от «мобильных полenezависимых» по показателю толерантности к неопределенности ($M = 107,23$; $M = 92,25$; $p < 0,05$ соответственно). Исходя из этого можно заключить, что аналитичность (полenezависимость) положительно со-

пряжена с толерантностью к неопределенности. Полученные сведения позволяют считать аналитический подход к познанию более эффективным при восприятии неизвестных, сложных, динамически неопределенных стимулов.

Отмечено, что интеллектуальное поведение субгруппы «фиксированных полнезависимых» характеризует высокая скорость структурирования поля в сочетании со слабой интеграцией своего поведения с полем, т. е. стремление абстрагироваться, отвлечься от поля (контекста) (М. А. Холодная, 2002).

Вероятно, «нечувствительность» к полю делает их менее уязвимыми по отношению к факторам экологической угрозы, тем самым способствуя уменьшению эффектов эмоционального напряжения на обработку информации, поэтому неопределенные стимулы воспринимаются позитивно. Частично данное предположение подтверждается результатами корреляционного анализа, согласно которым аналитичность (полнезависимость) отрицательно взаимосвязана с личностной тревожностью. Но поскольку речь идет об экологической (контекстуальной) угрозе, то ожидаемыми должны явиться отрицательные взаимосвязи аналитичности (полнезависимость) с реактивной тревожностью. В числе прочего это может корректироваться рядом фактов.

Г. Хекхаузен (1986) установил, что оценка угрозы зависит не только от реальных особенностей ситуации, но и от тревожности как диспозиции. Зачастую эти параметры коррелируют между собой, как и в нашем исследовании.

Дж. Руиз-Кабалеро и Дж. Бермудез (J. Ruiz-Caballero, J. Bermudez, 1997) показали, что беспокоящиеся люди больше подвержены восприятию угрожающих стимулов. В связи с этим они актуализируют те познавательные операции, которые необходимы для обнаружения и интерпретации угрозы.

Также следует учитывать и процедурные аспекты тестирования. Скорость обнаружения простой фигуры в сложной является параметром, опосредованным величиной объема рабочей памяти (Ч. Нозал, 1990), которая подвержена влиянию ряда факторов.

М. Гримлей с коллегами (M. Grimley, H. Dahraei, R. Riding, 2008) выявили, что тревога выступает самостоятельным фактором, уменьшающим объем рабочей памяти. Повышение уровня когнитивной неуверенности и беспокойства проявляется в «беспорядочном поведе-

нии» или дезорганизации познавательной деятельности. В ходе нашего эксперимента было отмечено, что студенты, проявляющие беспокойство и неуверенность в собственных возможностях, чаще обращались к фигуре-эталону.

Итак, полученные результаты позволили, с одной стороны, выявить роль взаимодействий когнитивно-аффективных процессов в проявлении толерантности к неопределенности как личностной диспозиции; с другой стороны, поставить вопрос о характере данных взаимодействий.

Деконтекстуализация «фиксированных полнезависимых» (крайняя позиция полюса аналитичности) может оцениваться и как поведение избегания, связанное с действием механизмов психологической защиты, в основе которых лежит стремление абстрагироваться, отстраниться от поля. Это предположение согласуется с результатами исследования А. А. Алексапольского (2008), согласно которым «фиксированные полнезависимые» предпочитают использовать такой вид психологической защиты, как вытеснение.

Данный факт позволяет по-новому взглянуть и на вопрос сопряженности толерантности к неопределенности и базисных убеждений личности. Обсуждаемые в литературе данные выявляют положительную сопряженность между этими конструктами, что также согласуется с результатами нашего исследования. Между тем учет когнитивно-стилевых особенностей субгруппы «фиксированных полнезависимых» позволяет принять другое объяснение полученных результатов.

С. Байер с коллегами (S. Bayer, R. Lev-Wiesel, M. Amir, 2007) выявили, что, чем больше человек чувствует угрозу от внешних стимулов, тем сильнее он будет держаться за «защитные иллюзии» посредством опровержения.

Таким образом, проявление высокого уровня толерантности к неопределенности как диспозиции может рассматриваться как компенсация. И в этом случае высокий уровень выраженности свойства приобретает совершенно иное значение, соотносимое с эффектами крайних позиций когнитивного стиля.

При сравнении субгрупп «мобильные полнезависимые» и «мобильные полезависимые» были выявлены значимые различия по показателю готовности к риску ($M = 1,55$; $M = 4,71$; $p < 0,5$), из чего следует, что синтетичность (полезависимость) положительно сопряжена с готовностью к риску.

Учитывая многомерность конструкта готовности к риску, ограничим его содержательное наполнение, что позволит создать основания для отбора и анализа эмпирических фактов, противоречащих полученным результатам либо поддерживающих их.

Готовность к риску будет предполагать проявление личностной регуляции как выражение личностного самоопределения субъекта, принимающего решения о собственной готовности эффективно действовать в условиях неопределенности. Данное свойство выражается как достаточно обобщенная характеристика способов выхода субъекта из ситуации неопределенности, где основным будет являться представление человека о себе как об источнике преобразования ситуации (Т. В. Корнилова, 2003).

Исходя из содержательной логики конструкта именно аналитичность (полнезависимость) как способность ориентироваться на себя при структурировании и связывании элементов ситуации должна быть положительно связана с принятием риска. Корреляция синтетичности (полезависимости) и убеждения в ценности собственного Я составила $r_s = -0,262$, $p < 0,05$. Наряду с этим в ряде работ имеются сведения относительно психологических особенностей аналитичных субъектов, которые будут препятствовать принятию риска в решениях.

М. Гримлей и Г. Баннер (M. Grimley, G. Banner, 2008) отметили, что аналитичные субъекты в большей степени сосредоточены на порядке и контроле, чаще выделяют негативные аспекты ситуации. В свою очередь синтетичные индивидуумы характеризуются стремлением воспринимать все аспекты ситуации в балансе, что, вероятно, и определяет их бóльшую готовность к риску.

Попарное сравнение субгрупп «фиксированные полнезависимые» и «мобильные полезависимые» не выявило значимых различий.

Когнитивный стиль «импульсивность / рефлексивность»

В рамках когнитивного стиля «импульсивность / рефлексивность» было выделено три кластера, которые интерпретировались как субгруппы «медленные / точные», «быстрые / точные», «быстрые / неточные». Значения центроидов кластеров с указанием доли испытуемых для каждого кластера представлены в табл. 3.

Попарное сравнение субгрупп «медленные / точные» (рефлексивные) и «быстрые / неточные» (импульсивные) позволило выявить

значимые различия по показателю толерантности к неопределенности: $M = 70,6$; $M = 66,1$; $p < 0,5$ (методика С. Баднера). Таким образом, рефлексивность положительно сопряжена с толерантностью к неопределенности, что также подтверждено корреляционным анализом ($r_s = -0,267$; $p < 0,05$).

Таблица 3

Характеристика кластеров

Кластер	Время первого ответа, с	Количество ошибок	Доля испытуемых, %
«Медленные / точные»	73,36	3,21	21,21
«Быстрые / точные»	42,49	9,20	66,67
«Быстрые / неточные»	14,95	24,00	12,12

Обнаруженные взаимосвязи вполне ожидаемы, если исходить из сущности стилевой характеристики «импульсивность / рефлексивность», наиболее «чувствительной» к выбору в условиях неопределенности и риска.

Было отмечено, что импульсивным субъектам в отличие от рефлексивных не свойственно тщательно анализировать информацию, перебирать альтернативные решения, отказываться от одних и переключаться на другие, что трактуется как проявление ригидности (Когнитивный стиль..., 1986).

Рассматривая явление ригидности в контексте отношения личности к неопределенности, Х. Вернер пришел к заключению, что персервация как фиксация на отдельных элементах воспринимаемого материала, равно как и изоляция – нарушение восприятия целого в пользу суммы его частей, выполняет функцию защиты от сложностей, удивления и опасений. К. Гольдштейн определил явления, схожие с ригидностью, но в аспекте проблемы конкретности / абстрактности восприятия. Привязанность к определенному стимулу (boudness) как проявление чрезмерной конкретности в восприятии, так же как и склонность к генерализованным обобщениям (когнитивной редукции) и механическим повторениям ошибочных гипотез, дает человеку возможность избежать непрозрачности и сложности мира (E. Frenkel-Brunswik, 1949).

Таким образом, данные, полученные в настоящем исследовании, согласуются с результатами более ранних работ по проблеме толерантности к неопределенности.

На современном этапе изучения проблемы поиск оснований сопряженности рефлексивности и толерантности к неопределенности ведется на материале исследований в области принятия решений. Е. Н. Осин представил сведения о взаимосвязи толерантности к неопределенности с восприятием возможностей и выбором. Автор установил, что студенты с низкой толерантностью к неопределенности ограничивают количество возможностей выбора либо избегают его, в то время как студенты с высокой толерантностью к неопределенности склонны совершать выбор раньше, но сохраняют видение большого количества возможностей: можно предположить, что их выбор является не столь ригидным.

М. Харвей с коллегами (*The Role of Curiosity...*, 2007) установили, что поиск информации, опосредованный когнитивной интенцией любопытства, способствует принятию новой информации и противостоит преждевременному закрытию к восприятию новых характеристик стимулов. Исследования С. Мадзар (*S. Madzar, 2005*) и С. Ашфорд с коллегами (*S. Ashford, R. Blatt, W. D. Vande, 2003*), с одной стороны, подтвердили значимость процессов поиска информации для снижения субъективной неопределенности, а с другой стороны, позволили установить новый критерий оценки эффективности этого поиска – «субъективную цену для Я». Низкая толерантность к неопределенности ассоциируется с дефицитом Я-ресурсов и высокой «ценой» запрашиваемой информации.

Таким образом, рефлексивность, характеризующая главным образом процесс сбора информации, его эффективность, представленная показателем «количество ошибок», будет способствовать более успешному освоению новых, неразрешимых и сложных ситуаций с меньшей «ценой для Я».

Сравнение субгрупп «быстрые / точные» и «быстрые / неточные» (импульсивные) позволило выявить значимые различия по показателю «справедливость» ($M = 5,84$; $M = 3,42$; $p < 0,05$). Можно заключить, что импульсивность положительно сопряжена с убеждением в несправедливости окружающего мира.

Установлено, что интеллектуальные особенности импульсивных характеризуются низкой артикуляцией при анализе отдельных признаков стимулов, низкой чувствительностью к различиям, что делает их восприятие более фрагментарным. Таким образом, стратегия крат-

чайшего когнитивного пути (cognitive shortcuts), основанная на когнитивной редукции, будет являться для них вполне ожидаемой. Подобный способ восприятия приводит к тому, что внешние события и ситуации оцениваются менее позитивно, с пессимистическим уклоном, т. е. как угрожающие, несправедливые, несущие угрозу для Я. Явление ригидности как содержательно схожее с когнитивной редукцией обсуждалось выше, а также в ряде работ (S. Bayer, R. Lev-Wiesel, M. Amir, 2007; N. Friedland, G. Keinan, T. Tytjunthe, 1999).

Таким образом, импульсивность как частный аспект ригидности является фактором когнитивной уязвимости, влияние которого соотносится с нарушением когнитивно-аффективных схем атрибуции Я и внешних событий.

Когнитивный стиль «ригидность / гибкость познавательного контроля»

В рамках когнитивного стиля «ригидность / гибкость познавательного контроля» было выделено четыре кластера, которые интерпретировались как субгруппы «неинтегрированные», «гибкие», «интегрированные», «ригидные». Значения центроидов кластеров с указанием доли испытуемых для каждого кластера представлены в табл. 4.

Таблица 4

Характеристика кластеров

Кластер	Величина интерференции, с	Соотношение времени чтения карт «Цвет» и «Слово»	Доля испытуемых, %
«Неинтегрированные»	32,16	1,53	40,54
«Гибкие»	19,27	1,27	24,32
«Интегрированные»	36,76	1,24	22,97
«Ригидные»	54,33	1,55	12,16

Анализ различий в субгруппах позволил установить, что «неинтегрированные» отличаются от «гибких» по показателям толерантности к неопределенности (методика Д. Мак-Лейна), готовности к риску, времени прочтения карт «Слово» и «Цвет», а также по показателю «доброжелательность». Результаты сравнения субгрупп «неинтегрированные» и «гибкие» по выраженности достоверно различных признаков отражены в табл. 5.

Итак, «расщепление» полюса гибкости познавательного контроля позволило дифференцировать две субгруппы, отличающиеся по механизмам своего интеллектуального поведения в аспекте толерантности к неопределенности.

Таблица 5

«Расщепление» полюса гибкости познавательного контроля

«Неинтегрированные»	«Гибкие»	Значения p
Низкие значения толерантности к неопределенности (94,1)	Высокие значения толерантности к неопределенности (103,7)	0,05
Низкая готовность к риску (2,6)	Высокая готовность к риску (4,6)	0,05
Высокий уровень доброжелательности (6,87)	Низкий уровень доброжелательности (4,83)	0,05
Быстрое называние карты «Слово» (39,9)	Медленное называние карты «Слово» (41,1)	0,02
Быстрое называние карты «Цвет» (56,5)	Медленное называние карты «Цвет» (58,1)	0,05

Субгруппа «гибкие» характеризуется более длительным временем чтения карт «Слово» и «Цвет» в сочетании с низкой величиной интерференции в отличие от субгруппы «неинтегрированные». Значимым для понимания особенностей данных субгрупп явился показатель соотношения времени чтения карт «Цвет» и «Слово».

В литературе вопрос о сущности данного показателя является дискуссионным. Обычно этот показатель трактуется как «вербальность» или «вербальная доминантность». Между тем результаты исследования М. А. Холодной (2002) и нашего исследования указывают на некорректность подобной интерпретации. В ходе корреляционного анализа было установлено, что показатель вербальности отрицательно взаимосвязан с показателем времени чтения карты «Слово» и положительно – с показателем времени чтения карты «Цвет» ($r_s = -348$; $r_s = 542$; $p < 0,01$). Положительная корреляция выявлена между показателями величины интерференции и показателем вербальности ($r_s = 342$; $p < 0,01$).

Таким образом, чем больше показатель интерференции, тем выше разность в соотношении времени чтения карт «Цвет» и «Слово».

М. А. Холодная метафорично выражает свою позицию по отношению к показателю вербальности, предлагая рассматривать его как

меру интеграции (близости) двух форм познавательного опыта, проявление способности осуществлять одну из форм словесно-образного перевода.

По нашему мнению, показатель соотношения времени чтения карт «Цвет» и «Слово» отражает скорее не меру интеграции двух форм познавательного опыта, а различия в кодировании информации (последовательное или одновременное). В свою очередь показатель интерференции характеризует гибкость в переключении с одного кода репрезентации информации на другой.

Итак, субгруппа «гибких» демонстрирует одновременность в кодировании сенсорно-перцептивных и вербальных стимулов, а также гибкость в переключении с одного кода репрезентации на другой. Субгруппа «неинтегрированных» характеризуется последовательностью в кодировании, поэтому когнитивный конфликт, вызванный интерференцией, мало ощутим.

Таким образом, субгруппа «гибких» является более пластичной в условиях когнитивного конфликта, принимающей риск, в то время как субгруппа «интегрированных» – «нечувствительной» к когнитивному конфликту и избегающей риска.

Полученные результаты согласуются с данными, представленными в других работах, в которых когнитивная гибкость признается одной из существенных характеристик толерантности к неопределенности (M. Lane, K. Klenk, 2004; J. Walinga, 2008).

Отдельного внимания заслуживает другой результат, указывающий на сопряженность «нечувствительности» к когнитивному конфликту и убежденности в доброжелательности окружающего мира. Данный результат в сочетании с низкими значениями готовности к риску может объясняться как одно из проявлений работы механизма отрицания, связанного со стремлением держаться за «защитные иллюзии».

Попарное сравнение субгрупп «неинтегрированные» и «интегрированные» позволило выявить различия по показателям личностной тревожности, времени чтения карты «Слово», а также по показателю «контроль». Результаты сравнения субгрупп «неинтегрированные» и «интегрированные» по выраженности достоверно различных признаков отражены в табл. 6.

Из анализа результатов следует, что «нечувствительность» к когнитивному конфликту сопряжена с низкой личностной тревожно-

стью, высоким уровнем воспринятой контролируемости в отношении событий собственной жизни и более быстрым прочтением карты «Слово».

Таблица 6

Сравнение субгрупп «неинтегрированные» и «интегрированные»

«Неинтегрированные»	«Интегрированные»	Значения <i>p</i>
Низкая личностная тревожность (40,27)	Высокая личностная тревожность (45,31)	0,05
Быстрое чтение карты «Слово» (40,06)	Медленное чтение карты «Слово» (45,52)	0,05
Высокий уровень контролируемости собственной жизни (8,03)	Низкий уровень контролируемости собственной жизни (6,23)	0,004

Согласно полученным результатам субгруппа «интегрированных» (полюс ригидности) в отличие от субгруппы «неинтегрированных» характеризуется «чувствительностью» к когнитивному конфликту, который преодолевается за счет непроизвольного интеллектуального контроля, но при этом достигается высокой «ценой для Я» – высокими значениями личностной тревожности и низким уровнем контролируемости событий собственной жизни.

При сравнении субгрупп «гибких» и «интегрированных» были выявлены значимые различия по показателям толерантности к неопределенности (методики С. Баднера, Д. Мак-Лейна), готовности к риску, личностной тревожности, контролируемости событий собственной жизни. Результаты сравнения субгрупп «гибкие» и «интегрированные» по выраженности достоверно различных признаков отражены в табл. 7.

Итак, гибкость познавательного контроля положительно сопряжена с толерантностью к неопределенности, готовностью к риску, убеждением в контролируемости собственной жизни и меньшей личностной тревожностью. На основе анализа сравнения двух субгрупп можно заключить, что показатель гибкости как способности переключаться и действовать в рамках двух контекстов является наиболее релевантным признаком толерантности к неопределенности.

«Расщепление» полюса ригидности познавательного контроля позволило дифференцировать две субгруппы: «интегрированные» и «ригидные».

В результате попарного сравнения этих субгрупп были обнаружены различия по показателям количества ошибок и времени чтения карты «Цвет» ($M = 7,2$, $M = 15,4$, $p = 0,47$; $M = 57,11$, $M = 64,5$, $p = 0,009$ соответственно). Из этого следует, что ригидность познавательного контроля положительно сопряжена с импульсивностью и медленным названием карты «Цвет».

Таблица 7

Сравнение субгрупп «гибкие» и «интегрированные»

«Гибкие»	«Интегрированные»	Значения p
Высокая толерантность к неопределенности по методике С. Баднера (70,73)	Низкая толерантность к неопределенности по методике С. Баднера (64,58)	0,012
Высокая толерантность к неопределенности по методике Д. Мак-Лейна (103,78)	Низкая толерантность к неопределенности по методике Д. Мак-Лейна (90,11)	0,045
Высокая готовность к риску (4,28)	Низкая готовность к риску (1)	0,006
Низкая личностная тревожность (40,33)	Высокая личностная тревожность (45,2)	0,05
Высокий уровень контролируемости собственной жизни (7,78)	Низкий уровень контролируемости собственной жизни (6,23)	0,015

Импульсивность как одна из сторон ригидности рассматривалась и обсуждалась ранее. Более пристального внимания заслуживает второй результат.

Исходя из смысла показателей Струп-теста медленное название карты «Цвет» ригидными испытуемыми является вполне оправданным. Вместе с тем данный результат может быть интересен с позиции измерения, характеризующего тип представления информации. Если ранее анализировавшиеся конструкты когнитивного стиля имели отношение к когнитивной организации и описывались как способы, которыми люди обрабатывают информацию, то предпочтения в кодировании указывают на то, как информация репрезентирована – образно или вербально. Медленное название карты «Цвет» ригидными испытуемыми позволяет допустить, что у них наиболее автоматизированными являются вербальные функции, что соответственно и вызывает сильную интерференцию.

Можно предположить, что у ригидных испытуемых ослаблена функция словесно-образного перевода. Показатель соотношения времени чтения карт «Цвет» и «Слово» как меры «интеграции» двух форм познавательного опыта для данной субгруппы является максимальным, что может рассматриваться как ограничение в принятии неопределенных стимулов и ситуаций.

Как полагала Э. Френкель-Брунsvик, основу явлений дезинтеграции и хаоса образует сочетание экстремальности и примитивности когнитивных реакций на неопределенность. Таким образом, можно предположить, что познавательные образы ригидных испытуемых будут скорее одномерными, конкретными.

По заключению Дж. Строс с коллегами (J. Strauss, M. Connerley, P. Ammermann, 2003), установка на разнообразие выступает одним из критериев толерантности к неопределенности, которая, по нашему мнению, может проявляться и в разнообразии используемых средств для создания познавательного образа.

Попарное сравнение субгрупп «гибкие» и «ригидные», а также «неинтегрированные» и «ригидные» позволило выявить достоверные различия по показателям готовности к риску «образ Я» и «контроль». Результаты сравнения субгрупп по выраженности достоверно различных признаков отражены в табл. 8.

Таблица 8

Сравнение субгрупп «гибкие» и «ригидные»,
«неинтегрированные» и «ригидные»

«Ригидные»	«Гибкие»	«Ригидные»	«Неинтегрированные»
Низкая готовность к риску (4,6; $p=0,03$)	Высокая готовность к риску (1,1; $p = 0,03$)	Низкая ценность Я (7,3; $p < 0,05$)	Высокая ценность Я (9,03; $p < 0,05$)
Низкий уровень контролируемости собственной жизни (5,8; $p = 0,04$)	Высокий уровень контролируемости собственной жизни (7,78; $p = 0,04$)	Низкий уровень контролируемости собственной жизни (5,8; $p = 0,009$)	Высокий уровень контролируемости собственной жизни (7,8; $p = 0,009$)

Как следует из результатов сравнения, ригидность познавательного контроля положительно сопряжена с низкой готовностью к риску, низким уровнем контролируемости жизни и ценности собственного Я.

Таким образом, субгруппа «ригидных» характеризуется искажениями в оценке информации, как повседневной (эмпирическая система обработки информации), так и в более значащих контекстах, требующих рационального контроля (R. Pacini, S. Epstein, 1999). Можно заключить, что субгруппа «ригидных» будет наиболее уязвимой при восприятии неопределенных стимулов и ситуаций.

Основные выводы исследования

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы:

1. Толерантность к неопределенности является сложным комплексным феноменом и актуализирует в своем составе сочетание «разноуровневых» индивидуальных свойств, соотношение между которыми определяет ее специфику.

2. Эмпирически обоснованный феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей позволяет дифференцированно оценивать взаимосвязи между свойствами разных «уровней» в структуре толерантности к неопределенности, выявлять различные «вклады» информационных процессов в проявление поведенческих диспозиций.

3. Крайние позиции когнитивных стилей сопряжены со сниженной способностью к совладанию с неопределенными ситуациями. Выраженная аналитичность, импульсивность, ригидность и «нечувствительность» к противоречию в общем плане соотносятся с поведением избегания, что может классифицироваться как проявление интолерантности к неопределенности.

Библиографический список

Алексапольский А. А. Стилевые и уровневые свойства интеллекта как факторы совладающего поведения: автореферат диссертации ... кандидата психологических наук / А. А. Алексапольский. Москва, 2008. 28 с.

Когнитивный стиль и факторы принятия решения в ситуации неопределенности / Т. В. Корнилова [и др.] // Когнитивные стили. Таллин, 1986. С. 99–103.

Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений / Т. В. Корнилова. Москва: Аспект Пресс, 2003. 268 с.

Ломов Б. Ф. Системность в психологии / Б. Ф. Ломов. Москва: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 384 с.

Холодная М. А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума / М. А. Холодная. Москва: Per Se, 2002. 304 с.

Шалаев Н. В. Толерантность к неопределенности в психологических теориях / Н. В. Шалаев // Человек в ситуации неопределенности. Москва, 2007. С. 34–48.

Abbey E. Ventriloquism: The Central Role of an Immigrant's Own Group Members in Negotiating Ambiguity in Identity / E. Abbey // Culture Psychology. 2002. Vol. 8. P. 409–415.

Ashford S. Reflections on the Looking Glass: A Review of Research on Feedback-Seeking Behavior in Organizations / S. Ashford, R. Blatt, W. D. Vande // Journal of Management. 2003. Vol. 29. P. 773–779.

Banning K. The Effect of the Case Method on Tolerance for Ambiguity / K. Banning // Journal of Management Education. 2003. Vol. 27. P. 556–567.

Bayer S. The Relationship Between Basic Assumptions, Posttraumatic Growth, and Ambiguity Tolerance in an Israeli Sample of Young Adults: A Mediation-Moderation Model / S. Bayer, R. Lev-Wiesel, M. Amir // Traumatology. 2007. Vol. 13. P. 4–15.

Berzonsky M. Identity processing style, self-construction, and personal epistemic assumptions: A social-cognitive perspective / M. Berzonsky // European Journal of Developmental Psychology. 2004. Vol. 1. P. 303–315.

Chirumbolo A. Need for cognitive closure and politics: Voting, political attitudes and attributional style / A. Chirumbolo, A. Areni, G. Sen-sales // International Journal of Psychology. 2004. Vol. 39. P. 245–253.

Cornelis I. The Impact of Cognitive Styles on Authoritarianism Based Conservatism and Racism / I. Cornelis, A. Van Hiel // Basic and applied social psychology. 2006. Vol. 28. P. 37–50.

DeRoma V. The Relationship Between Tolerance for Ambiguity and Need for Course Structure / V. DeRoma, K. Martin, M. Kessler // Journal of Instructional Psychology. 2003. Vol. 30. P. 104–109.

Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable / E. Frenkel-Brunswik // Journal of Personality. 1948. Vol. 18. P. 108–143.

Friedland N. Effect of psychological stress and tolerance of ambiguity on stereotypic attributions / N. Friedland, G. Keinan, T. Tytiunthe // Anxiety, Stress, and Coping. 1999. Vol. 12. P. 397–410.

Grimley M. The relationship between anxiety-stability, working memory and cognitive style / M. Grimley, H. Dahraei, R. Riding // *Educational Studies*. 2008. Vol. 34. P. 213–223.

Grimley M. Working memory, cognitive style, and behavioural predictors of GCSE exam success / M. Grimley, G. Banner // *Educational Psychology*. 2008. Vol. 28. P. 341–351.

Helson R. Creative and Wise People: Similarities, Differences, and How They Develop / R. Helson, S. Srivastava // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. P. 1430–1440.

Kim R. Intercultural Attitudes Predict Favorable Study Abroad Expectations of U. S. College Students / R. Kim, S. Goldstein // *Journal of Studies in International Education*. 2005. Vol. 9. P. 265–278.

Lane M. The Ambiguity Tolerance Interface: A Modified Social Cognitive Model for Leading Under Uncertainty / M. Lane, K. Klenke // *Journal of Leadership and Organizational Studies*. 2004. Vol. 10. P. 69–81.

Lim G.-S. Evaluating Business School Undergraduates' Situation Analytical Ability / G.-S. Lim // *Journal of Management Education*. 2002. Vol. 26. P. 19–39.

McCrae R. Social Consequences of Experiential Openness / R. McCrae // *Psychological Bulletin*. 1996. Vol. 120. P. 323–337.

McLain D. L. The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity / D. L. McLain // *Educational and Psychological Measurement*. 1993. Vol. 53. P. 183–189.

Madzar S. Subordinates' Information Inquiry in Uncertain Times A Cross Cultural Consideration of Leadership Style Effect / S. Madzar // *International Journal of Cross Cultural Management*. 2005. Vol. 5. P. 255–274.

Narayanswamy R. Why is Spirituality Integral to Management Education? My Experience of Integrating Management and Spirituality / R. Narayanswamy // *Journal of Human Values*. 2008. Vol. 14. P. 115–128.

Nelissen N. Public Management: The Need for Ambiguity Tolerance and Moral Engagement / N. Nelissen, P. de Goede // *International Journal of Public Administration*. 2003. Vol. 26. P. 19–34.

Pacini R. The relation of rational and experiential information processing styles to personality, basic beliefs, and the ratio-bias phenomenon / R. Pacini, S. Epstein // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 76. P. 972–987.

Priem R. Resolving Moral Dilemmas in Business: A Multicountry Study / R. Priem, M. Shaffer // *Business Society*. 2001. Vol. 40. P. 197–219.

Ruiz-Caballero J. Anxiety and attention: Is there an attentional bias for positive emotional stimuli? / J. Ruiz-Caballero, J. Bermudez // *Journal of General Psychology*. 1997. Vol. 124. P. 194–210.

Strauss J. The «Threat Hypothesis», Personality, and Attitudes Toward Diversity/ J. Strauss, M. Connerley, P. Ammermann // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2003. Vol. 39. P. 32–52.

The Role of Curiosity in Global Managers' Decision-Making / M. Harvey [et al.] // *Journal of Leadership and Organizational Studies*. 2007. Vol. 13. P. 43–58.

Walinga J. Toward a Theory of Change Readiness: The Roles of Appraisal, Focus, and Perceived Control / J. Walinga // *Journal of Applied Behavioral Science*. 2008. Vol. 44. P. 315–347.

Williams S. Determinants of Defender-Prospector Strategic references: Examining the Effects of Personality and Culture / S. Williams, S. Narendran // *Journal of Transnational Management Development*. 2000. Vol. 4. P. 83–105.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ «ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО»

Д. Е. Щипанова

Особенности восприятия жизненного пути несовершеннолетними преступниками

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Сегодня в состав уголовно-исполнительной системы входят более 60 воспитательных колоний, в которых отбывают наказание около 14 000 осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. Кроме того, в настоящее время в следственных изоляторах России содержится около 9 000 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений несовершеннолетних, а в 2 346 уголовно-исполнительных инспекциях на учете со-